

ФИЛОЛОГИЯ

**ЮРИЙ АНАТОЛЬЕВИЧ
МЕШКОВ** —
заведующий кафедрой русской
литературы филологического
факультета,
доктор филологических наук, профессор

УДК 882. 091

РУСЬ СЕРГЕЯ ЕСЕНИНА

АННОТАЦИЯ. Рассмотрена пространственно-временная организация образа Руси в ранней лирике С. Есенина. Традиционный строй крестьянского быта и сознания трактуется как неизменная примета национального бытия.

The place and time arrangement of Russians character in the early lyric of S. Esenin was being examined. The traditional order of peasants (mode of life and consciousness is being understood as an invariable beauty of national feature.

Общим местом в работах о лирике Сергея Есенина стало говорить об образе Руси. Но Русь для поэта была не только сквозным образом, а определяющим началом его мироощущения

Сергей Есенин в детстве воспринял, впитал и в творчестве своем художественно выразил тот традиционно-образный строй крестьянского быта и сознания, который в его лирике выступит как неизменная примета национального бытия.

Понятия о мире, должных взаимоотношениях людей, добре и справедливости, народные идеалы счастья и красоты передавались из поколения в поколение. Они в итоге обрели устойчивые мифологические очертания как в самом крестьянском быту, так и в русской народной культуре. Весь комплекс национально-традиционного уклада жизни, со святыми и постами, с христианскими престольными праздниками и языческими, древнеславянскими календарными обрядами, с ритуалом свадеб и почитанием умерших, был направлен на то, чтобы дать каждому ощущение его неотрывной принадлежности к миру, организованному на извечных началах. В пределах привычного мира и должна была состояться его судьба. А само счастье судьбы обусловлено было тем, насколько в согласии с этими началами находятся каждый шаг и поступок. Легенды, сказки, притчи и рассказы богомольцев, нищих и странников, которые в детстве для крестьянских детей были чуть ли не единственным источником информации о внешнем мире, формировали своеобразное художественно-мифологическое представление о том, что и почему происходит вокруг. В границах этого художественно-мифологи-

ческого мира народного сознания развивалось поэтическое воображение раннего Есенина.

И образно-эстетическим символом его стала Русь. Уже в первой книге поэта «Радуница» (1916) Русь олицетворяла особое духовно-нравственное пространство есенинской лирики.

Заметим, что как духовно-нравственное пространство есенинской лирики, так и образно-эстетическое закрепление его за Русью вызывало и продолжает вызывать критическое неприятие..

Так, в одном из первых откликов на книгу стихов «Радуница» он оценивался как поэт моды, подыгрывающий спросу, творчески несамостоятельный, а потому и несостоятельный. Есенин, писал тогда Н. Лернер, «до того опростился и омужичился, что решительно не в состоянии словечко в простоте сказать» [1]. Внимательное чтение этой статьи убеждает, что дело не в отдельных словах и строках, а в неприятии открыто заявленной связи поэта с Родиной. Критиком произнесено было то по существу главное, что и сегодня не любят противники Есенина, что четко разделяет почитателей таланта поэта и его недругов. Лернер нашел, что поэзия Есенина — «невыносимое националистическое ухарство». И увидел он его, судя по цитатам, в стихотворении «Гой ты, Русь, моя родная...»

*Гой ты, Русь, моя родная,
Хаты — в ризах образа...
Не видать конца и края —
Только синь сосет глаза.*

*Если крикнет рать святая:
«Кинь ты Русь, живи в раю!»
Я скажу: «Не надо рая,
Дайте родину мою».*

(1, 50-51) [2]

Позднее В. Ходасевич посчитает главным заблуждением Есенина его верность до конца жизни Руси как образно-эстетическому выражению его идеала. «В основе ранней есенинской поэзии, — читаем в его воспоминаниях, — лежит любовь к родной земле, а не к России с ее городами, заводами, фабриками, с университетами и театрами, с политической и общественной жизнью. России в том смысле, как мы ее понимаем, он в сущности не знал. Для него родина — своя деревня да те поля и леса, в которых она затерялась. В лучшем случае — ряд таких деревень: избяная Русь, родная стороноушка, не страна; единство социальное и бытовое, а не государственное и даже не географическое. Какие-нибудь окраины для Есенина, разумеется, не Россия. Россия — Русь, Русь — деревня...» [3]. И та же мысль в заключении: «Горе его было в том, что он не сумел назвать ее (родину — Ю. М.): он воспевал и бревенчатую Русь, и мужицкую Руссию, и социалистическую Инонию, и азиатскую Расею, пытался принять даже СССР, — одно лишь верное имя не пришло ему на уста: Россия. В том и было его главное заблуждение, не злая воля, а горькая ошибка. Тут и завязка и развязка его трагедии» [4].

В лирике Сергея Есенина Русь не только тематический центр. Она — то «существо поэта», которое придает всему его творчеству гармоническую цельность и особую мету. Любовь Есенина к Руси — это тот родник, струйка которого миллионно растворена в водах реки, но без него нет и самой великой

реки. Русь для поэта не просто некое географическое пространство, в котором ему территориально определено жить. Она — нравственное магнитное поле, силой притяжения которого жива его душа. Уберите из любого сборника поэта стихи о Руси — уберется собственно есенинское. Поэт избегает логически четких определений, боясь иссушить ими трепетное ощущение в душе некоего нервного узла, самой природой оберегаемого от скальпеля рассудочного анализа. Русь для него — это извечная данность, которая есть и будет, как жизнь его и земляков, не среда обитания, а самое бытие.

Бытие это предметно.

В стихах Сергея Есенина щедро и с любовью рассыпаны реалии деревенского быта, крестьянского труда, сельского пейзажа. Свою генеалогию он вел от Алексея Кольцова. И тем уместно, характеризуя предметность бытия в его лирике, вспомнить суждение В. Белинского, писавшего об умении Кольцова найти поэзию в самых прозаических деталях и явлениях быта. «И потому, — замечал Белинский, — в его песни смело вошли и лапти, и рваные кафтаны, всклоченные бороды, и старые онучи, — и вся эта грязь превратилась у него в чистое золото поэзии» [5]. Суждение это тем уместнее, что о есенинском золоте поэзии в рецензии на «Радуницу» писал П. Сакулин: «Мила, бесконечно мила поэту-крестьянину деревенская хата... Он превращает в золото поэзии все — и сажу над заслонками, и кота, который крадется к парному молоку, и кур, беспокойно квохчущих над оглоблями сохи, и петухов, которые запевают «обедню стройную», и кудлатых щенков, забравшихся в хомуты. Поэзия разлита всюду. Умей только ощущать ее» [6].

Из быта крестьянской избы («В хате») Сергей Есенин погружает читателя в быт деревни:

*Топи да болота,
Синий плат небес,
Хвойной позолотой
Взвенивает лес.*

*По лугу со скрипом
Тянется обоз —
Суховатой липой
Пахнет от колес.*

*Тенькает синица
Меж лесных кудрей,
Темным елям снится
Гомон косарей.*

*Слушают ракиты
Посвист ветряной...
Край ты мой забытый,
Край ты мой родной.*

(1, 65)

Сергей Есенин сам именовал себя поэтом деревни. И этим как бы указывал на основной предмет изображения, которому и не собирался изменять. Поля, леса, избы, звезды, проселочная дорога, рассветы и закаты, наигрыш тальянки и калики, корова на лугу и лай собачонки у ворот — это все в совокупности и есть тот любимый сердцу поэта край, в котором он «хотел бы затеряться», в котором он: «Все встречаю, все приемлю, Рад и счастлив душу вынуть» (1, 39).

Сергей Есенин знал реальную деревенскую Русь. Она встает со страниц его повести «Яр» (1915). Детали того обыденного, чем открывалась ему деревенская реальность, встречаем и в стихах. «Ой, не весел ты, край мой родной» (1,32), — вырывается у него. Он констатирует: «Черная, потом пропахшая выть» (1,64). «Выть» — земельный надел, кормивший крестьян, кормивший и отбиривший в тяжком труде («потом пропахшая») силы и жизнь:

*Заглушила засуха засевки,
Сохнет рожь и не всходят овсы.*

(1, 62)

Хорошо ему были известны и социальные контрасты деревенской жизни. В повести «Яр» Есенин повествует о том, как местный барин обманом отрезал у крестьян землю, подкупил судей, как мужики в порыве гнева убивают его и как власти расправляются с ними. И это было социально-конкретное содержание жизни.

Но Есенина-лирика интересует не это.

В пространстве есенинской Руси ничего не происходит. Она — данность, греющая душу и наполняющая сердце любовью именно как неизменно данная. Его лирического «я» нет вне этой данности. Произнеся «черная, потом пропахшая выть», он уже в следующей строке признается: «Как мне тебя не ласкать, не любить», ибо надел тем более жизненная данность, что он — дан.

Русь Сергея Есенина раскрывает себя в особых пространственно-временных координатах.

Предметность, бытовая достоверность — это лишь внешний слой, рамка, включающая в себя то устойчивое национально-традиционное бытие, которое поэт в первую очередь и стремится явить. В бытии Руси Сергей Есенин раскрывает устремленность к духовно-нравственному идеалу. Этим наполнен в «Радунице» первый раздел — «Русь». Устремленность к духовно-нравственному идеалу реализуется через мотив движения, странствования по просторам Руси. Мотив этот заявлен уже в открывавшем книгу стихотворении:

*Ходит милостник Микола
Мимо сел и деревень...*

*...Ходит странник по трактам,
Говорит, завидя сход:
— Я пришел к вам, братья, с миром —
Исцелить печаль забот. [7]*

Микола — Николай Угодник, Николай Чудотворец, наиболее почитаемый на Руси христианский святой, защитник земледельцев, заступник несправедливо обиженных. Русь устремлена к правде и открыта утешению. Микола проходит по ней, выполняя завет Господа: «Защити там в черных бедах Скорбью вытерзанный люд». Завершает Сергей Есенин «Миколу» утверждением движения к справедливости через ее открытость Миколу. По народному обычаю, Миколу задабривали и призывали тем, что в ночь на 6 декабря рассыпали по снегу рожь. Этот обычай в последних строках «Миколы» заключает в себе смысл стихотворения:

<i>Засучивши с рожью полы, Пахаря трясут лузгу, В честь угодника Миколы Сеют рожью на снегу</i>	<i>И, как о траву окосья, В вечеряющий покос, На снегу звенят колосья За косницами берез. [8]</i>
---	---

Справедливость и доброта как исконные черты народного характера, отзывчивость народа создают духовно-нравственное пространство, имя которому в есенинской лирике — Русь. Да, поэт использует христианско-религиозные образы, но его религиозность скорее земная, чем небесная. В духовно-нравственном пространстве Руси, в людях, определяющих наполненность этого пространства, поэт открывает не показную, а подлинную и высшую меру доброты («Шел Господь пытаться людей в любви...»).

В «Радунице» возникают богомолки, калики, странники, нищие, проходящие пространство Руси. К сожалению, нравственное содержание книги еще недавно трактовалось весьма односторонне. «На первом плане в книге

Русь богомольная, благостная, смиренная...», — читаем в одном из серьезных исследований 60-х годов [9]. А все нравственное напряжение стихотворения «Не ветры осыпают пуши...» сводилось к тому, что в нем Божья мать занимается, якобы, «общественно-полезной деятельностью»:

*Она несет для мира снова
Распятъ воскресшего Христа:
«Ходи, мой сын, живи без крова,
Зарюй и полднюй у куста».*

А ведь уже следующая строфа обозначает линию этического поведения лирического героя «Радуница», его отношение к людям, к каждому, встреченному им на пути:

*И в каждом страннике убогом
Я визнавать пойду с тоской,
Не помазуемый ли Богом
Стучит берестяной клюкой.*

(1, 44)

И опять мы видим здесь готовность к встрече с сокровенным, с самим Иисусом (Спасом), открытость Истине и готовность принять ее. В это духовно-нравственное пространство и помещен лирический герой. Открытый Истине, он вместе со всеми движется к ней. Он среди тех, кто осваивает духовно-нравственное пространство Руси. Вот почему он то странник, идущий на молитву, то «в скуфье смиренный инок» (1, 40), то «ласковый послушник» (1, 25). И во всех этих самоопределениях на первом плане — духовное, мирское (земное, материальное) вторично в характере лирического героя.

Духовно-нравственным началом, идущим от есенинского понимания пространства Руси, проникнута вся «Радуница». В самом названии книги — своеобразная вечность духовно-нравственного акта, соединяющего поминовением усопших прошлое, настоящее и будущее. Слово «радуница» значит «просветленная». День поминовения усопших приходится на вторник первой послепасхальной недели и совпадает с весенним пробуждением природы, ожиданием благостного лета и благодатной осени.

В лирической сюите «Русь» возникает милая сердцу «родина кроткая». За ее пределами происходят события, грозящие нарушить ее извечно-привычный уклад жизни. Если на Руси ранней лирики Есенина и происходит что-то, то происходит где-то. Плохие вести приходят «с дальней волости». За пределами родной стороны, в безбрежной сини географического пространства — «пугливая темнота», и она кажет —

*И кандалы своей Сибири,
И горб Уральского хребта.*

(1, 67)

Лишь здесь, в локальном пространстве Руси, символе духовно-нравственного начала жизни, у отчих могил — покойно и весело, душевно и привычно. И само время в этом пространстве как бы остановилось, застыло в «забытости» родного края, в вековой неизменности примет: «Край ты мой заброшенный, Край ты мой, пустырь. Сенокос некошенный, Лес да монастырь» (1, 60).

Таким образом, в первой книге Сергея Есенина «Радуница» Русь предстает как образно-эстетический идеал, знаменующий собой духовно-нравственное пространство бытия, пребывающего в вечном покое. Поэт воспе-

вал это пространство, дорожил им, тревожился о его сохранении и сам сохранял ему верность. Но как раз в этом виделась ограниченность национального самосознания поэта. Творческий путь Есенина выстраивался как процесс освобождения от идей патриархальности, как подъем «на новую, более высокую ступень», где в итоге он «чувствует себя российским поэтом, поэтом Советской Руси, Страны Советов» [10]. Такой подход давал возможность вписать творческий путь поэта в конкретно-социальную историю времени, увязать его эволюцию с историей времени. Но в итоге разрушалась есенинская мифо-поэтическая модель Руси, специфический есенинский «идеалистический хронотоп» (М. Бахтин), где нет пространства-расстояния и времени-истории.

Лирический герой книги «Радуница» явлен лишь лицом, открывающим для себя и в себе Русь. Он проходит ее пространство, не отделяя себя от природного окружения и сливаясь с ним. В последующем творчестве поэт начнет заметно отделять и выделять своего лирического героя через наделение его чертами активности. Это можно проследить на вариантах стихотворения «Пойду в скуфье смиренным иноком...» Тот вариант, который был опубликован в «Радунице» 1916 года, имел название — «Инок». Еще раньше, публикуя его под этим же названием в журнале «Русская мысль» (1915. № 7), Есенин прямо обращался: «Хочу концы твои измерить, родная Русь...» В книге обращение было снято: «Хочу концы земли измерить...» Но характер лирического героя («светлого инока») оставался тот же. А вот в редакции 1922 года изменяется первая строфа и иначе определяется его путь.

Первая редакция:

*Пойду в скуфейке, светлый инок,
Степной тропой к монастырям,
Сухой кошель из хворостинок
Повешу за плечи к кудрям.*

Вторая редакция:

*Пойду в скуфье смиренным иноком
Иль белобрысым босяком,
Туда, льется по равнинам
Березовое молоко.*

Соответственно иное смысловое звучание получает и заключающая стихотворение строфа:

Первая редакция:

*С улыбкой радостного счастья
Иду в другие берега,
Вкусив бесплотного причастья,
Молясь на копны и стога.*

Вторая редакция:

*Счастлив, кто в радости убогой,
Живя без друга и врага,
Пройдет проселочной дорогой,
Молясь на копны и стога.*

И само понимание счастья во второй редакции существенно корректируется. Лирический герой первой редакции отправляется в путь, уже решив для себя этот вопрос, отправляется с «думой», в которой утверждает его дорога. Во второй редакции он лишь решает этот вопрос для себя, решает во внутреннем споре с самим собой («говорю с самим собой»), и сама дорога становится не утверждением ответа, а поиском.

Первая редакция:

*Глядя на кольца лычных прясел,
Одной лишь грезой мыслю я:
Счастлив, кто жизнь свою украсил
Трудом земного бытия.*

(1, 300)

Вторая редакция:

*Глядя на кольца лычных прясел,
Я говорю с самим собой:
Счастлив, кто жизнь свою украсил
Бродяжной палкой и сумой.*

(1, 40-41)

Но неизменными и ключевыми оставались в первой и второй редакциях две строки: «И в счастье ближнего поверить» и «Молюсь на копны и стога». Этическое («счастье ближнего») вписано в пространство отчего («копны и стога») — эта мысль в лирике Есенина будет сквозной. В последние два года творчества она родит тему «возвращения» к духовно-нравственным истокам. Истоки эти поэт определял одним словом: Русь.

Именно образ Руси придает лирике Сергея Есенина то исключительное свойство, что заметно выделяет ее в художественно многообразном и эстетически богатом мире русской поэзии XX века: его стихами мы исповедуемся в своей любви к Родине. В душе русского читателя они пробуждают трепетное чувство приобщения к сокровенному, национально-традиционному. Чувство это по-детски и подчас неведь откуда памятно. Оно гнездится в тех тайниках души, которые принято оберегать и тем оберегаться от досужего и фискального любопытства сторонних.

Лирика Сергея Есенина — жизнь, память и боль Руси.

Официально модным поэт никогда не был. Даже тогда, когда в середине 50-х годов «потеплело» и в обществе, и в отношении к Есенину. Но к предмету есенинской поэтической привязанности и тогда относились настороженно. В конце 60-х годов началась кампания ликвидации «неперспективной» сельской Руси. В начале 70-х исторический ареал русских окрестили нелепым Нечерноземьем, о котором для вида печатно печалились, а далеко-видео-экономически разоряли. В начале 90-х некоторые официальные лица даже стали избегать слова «русские».

За нападкамии на Есенина и сегодня просматривается пренебрежение тем, что породило его как поэта: пренебрежение Русью, русской духовно-нравственной жизнью, народной культурой. Вот, например, Вячеслав Пьецух, отметив, что русский народ «малопросвещенный», заявил: «Тайна необычайной популярности второсортного искусства, искусства демократического направления в самом неприятном смысле этого слова — Есенин». И далее поясняет это тем, что поэт, по его мнению, «принадлежит второму эшелону культуры». Второму эшелону принадлежит, как следует из размышлений Пьецуха, вся народная культура, а Есенин ею и порожден. А чтобы не было сомнений, что речь идет именно о русской народной культуре, Пьецух вспомнил и Василия Шукшина. В нем он видит «чудо происхождения огромного таланта из ничего, ведь ни о какой почве, ни о какой генетике в этом случае речи быть не может» [11].

По всему видно, что не скоро еще к стихам Сергея Есенина мы будем относиться только как к явлению поэтического искусства, долго еще быть им русской народной памятью о кровном, быть есенинской тоской о Руси, о наших духовно-нравственных истоках.

Впрочем, об этом в свое время хорошо и достаточно открыто сказал Георгий Иванов. Стихи Есенина помогают памятно хранить в душе то, что десятилетиями заставляли забыть. «Беспристрастно, — писал Г. Иванов в предисловии к парижскому (1950) сборнику стихов поэта, — оценят творчество Есенина... не раньше, чем освободится, исцелится физически и духовно Россия. В этом исключительность, я бы сказал, «гениальность» есенинской судьбы. Пока Родине, которую он так любил, суждено страдать, ему обеспечено не пресловутое «бессмертие» — а временная, как русская мука, и такая же долгая как она, жизнь». И чуть ниже: «Из могилы Есенин делает то, что не удалось никому: объединяет русских людей звуком русской песни...» [12].

ЛИТЕРАТУРА

1. Лернер Н. Господа Плевицкие // Журнал журналов. 1916. № 10, февраль. С. 6.
2. Здесь и далее с указанием страниц: Есенин Сергей. Полн. Собр. Соч. Т. 1. М., 1995.
3. Ходасевич В. Некрополь: Воспоминания. М., 1991. С. 124.
4. Там же. С. 154.
5. Белинский В. Г. Собр. Соч. В 3 томах. М., 1948. Т. 3. С. 137.
6. Сакулин П. Народный златоцвет // Вестник Европы. 1916. № 5. С. 205.
7. Сергей Есенин. Сочинения. М., 1994. С. 59.
8. Там же. С. 60.
9. Юшин П.Ф. Сергей Есенин: Идеино-творческая эволюция. М., 1969. С. 137.
10. Жаворонков А. З. С. Есенин и русские писатели XIX-XX вв. Уч. зап. Кировского госпединститута. Вып. 49. Киров, 1971. С. 112.
11. Лит. газета. 1997. 16 апр., № 15 (5649). С. 10.
12. Иванов Г. Сын «страшных лет России» // Русский рубеж. № 3. 1990. С. 9-10.

**ЛЮДМИЛА ИЛЬНИЧНА
КРЕКНИНА** —
старший преподаватель кафедры
русской литературы филологического
факультета,
кандидат филологических наук

УДК 882. 091

ТЕМА ОСВОЕНИЯ СИБИРИ В РУССКОЙ ЛИТЕРАТУРЕ XIX ВЕКА

АННОТАЦИЯ. Статья впервые систематизирует произведения о Ермаке разных эпох (от Н. М. Карамзина, К. Ф. Рылеева, П. П. Ершова до Н. И. Костомарова, Л. Н. Толстого, Д. Н. Мамина-Сибиряка) и устанавливает связь литературной темы с развитием национального культурного самосознания: общероссийского и регионального.

An article systematizes the works about Ermak of different periods (from N. M. Karamzin, K. F. Ryleev, P. P. Ershov till N. I. Kostomarov, L. N. Tolstoy, D. N. Mamin-Sibiryak) for the first time. A connection of this literary topic with